

УДК [811.161.1'37+821.161.1.Маяковский 08]:316.776.33:316.46.058.5

ФИЛИПОВА Ольга Викторовна,

доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой стилистики, риторики и культуры речи Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва; Саранск, Россия;
e-mail: filipovaov@mail.ru; тел.: +7(8342) 76-55-28; моб.: +7-905-009-22-11

КУСТОВ Владимир Владимирович,

студент филологического факультета Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва; Саранск, Россия;
e-mail: pimr65rip@mail.ru; тел.: +7(8342) 35-75-54; моб.: +7-987-997-98-95

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ МАНИПУЛЯТОРА И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА В ТАКТИКАХ МАНИПУЛИРОВАНИЯ (на примере речевого поведения персонажей пьес В. В. Маяковского)

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей языковой личности манипулятора. В ней раскрывается роль лексико-семантических средств в организации тактик манипулирования в художественном произведении. Исследуя речь персонажей-манипуляторов в пьесах В. В. Маяковского, авторы выделяют такие тактики манипулирования, как тактика подмены понятий, тактика преувеличения и тактика преуменьшения. Названные тактики маркируются участием в них оценочной лексики, гиперболы и мейозиса. Основная функция лексико-семантических средств в манипулятивных контекстах — номинативно-оценочная. Эмоциональность и оценочность речи манипулятора является следствием эмоционального воздействия. Данные средства позволяют манипулятору навязать собеседнику то или иное эмоциональное видение ситуации и тем самым спровоцировать его на выгодные для манипулятора действия.

Ключевые слова: языковая личность, тактика манипулирования, оценочная номинация, художественная речь, драматургия, В. В. Маяковский.

Одной из характерных тенденций современного развития лингвистики является исследование воздействующего потенциала языковых единиц. В последние годы лингвистов привлекает проблема речевого манипулирования индивидуальным сознанием на уровне межличностных отношений. В этом плане намечается ряд важных, требующих решения вопросов: выработка единого подхода к рассмотрению явления межличностного манипулирования, более полное описание коммуникативных тактик, используемых с целью манипулирования, изучение языковых средств и приёмов манипулятивного воздействия, составление портрета языковой личности-манипулятора и др. Как известно, в лексической системе языка сосредоточены основные средства вербального воздействия на человека. Предпосылками для манипулятивного использования слова в речи служат многозначность слова в системе языка, возможность употребления слова в переносном значении, наличие у слова коннотаций, возможность обозначения одних и тех же объектов действительности разными номинациями, а также парадигматические и синтагматические связи слов в системе языка.

Цель статьи — рассмотреть участие лексико-семантических средств в предпочитаемых языковой личностью манипулятора тактиках речевого воздействия, привлекаемых для выражения манипулятивной иллюзии. Объектом для выявления речевых ситуаций манипулятивного воздействия послужили речевые контакты из пьес В. В. Маяковского, отражающие манипулятивное воздействие одного персонажа на другого. Пьесы Маяковского мало изучены в этом плане, в то время как представляют богатый материал для исследователя речевых ситуаций манипулирования. Кроме того, речевое событие в повседневной коммуникации и текст пьесы имеют определённое сходство в организации: текст пьесы представляет словесную (вербальную) часть дискурса. Сумма высказываний персонажа художественного произведения в данном случае, по замечанию Ю. Н. Караулова, достаточна для анализа речевого поведения, а персонаж выступает как «модель реальной языковой личности» [4]. Драматургический дискурс даёт возможность исследователю напрямую связать выбор языковых средств персонажа с той его ведущей целеустановкой, которая определяет тип его коммуникативного поведения.

Под коммуникацией мы понимаем взаимодействие субъектов с помощью знаковых средств, вызванное потребностями совместной деятельности и направленное на значимое изменение в состоянии, поведении и личностно-смысловых образованиях партнера. На наш взгляд, только на уровне коммуникации возможно выделение манипулятивных контекстов, важную роль здесь играют экстралингвистические факторы (ситуация, контекст, установки и цели коммуникантов, их отношения).

Манипулятивное речевое воздействие представляет собой такое воздействие, при котором адресант не заинтересован в обращении адресата к собственному критическому опыту, а нацелен на внедрение в психику реципиента идей, целей, оценок, искажающих объективную картину мира и имеющих следствием односторонний выигрыш субъекта речевого воздействия.

Среди признаков межличностного манипулирования психологи выделяют: 1) скрытый характер воздействия; 2) отношение манипулятора к другому воздействию как средству достижения собственных целей; 3) стремление получить односторонний выигрыш; 4) игра на слабостях партнёра и др.

Манипуляция языковыми средствами, по мнению Е. Л. Доценко, основана на сознательном целенаправленном преобразовании информации, которое находит выражение в двух основных приёмах: а) сокрытие или искажение информации, которое варьируется от откровенной лжи до сообщения полуправды; сюда же относятся такие явления, как подтасовка фактов, смещение по семантическому полю понятия и некоторые другие; б) утаивание информации, проявляющееся в умолчании (сообщение неполной информации) [1].

По утверждению Э. Шострома, в каждом человеке живёт манипулятор, который бесконечно применяет всяческие фальшивые трюки с тем, чтобы добиться для себя того или иного блага [8]. Главными участниками манипулятивной речевой ситуации являются манипулятор (говорящий, осуществляющий манипулятивное воздействие) и манипулируемый (адресат данного воздействия). Вступая в речевое взаимодействие, манипулятор стремится получить одностороннюю выгоду, при этом данное намерение им тщательно скрывается. Адресат воздействия поддерживает общение по причине заинтересованности в результатах этого общения или вследствие интереса к личности говорящего.

Исходя из анализа психологической литературы по вопросам манипулирования и лингвистической литературы по вопросам языковой личности, можно предположить, что языковая личность манипулятора — это личность, характеризующаяся следующими особенностями:

— на мотивационно-прагматическом уровне: устойчивым стремлением к манипулятивному воздействию, отношением к партнёру по коммуникации как к объекту манипулирования, умелым использованием различных речевых средств манипулирования как способа речевого воздействия;

— на когнитивном уровне: повышенным эгоцентризмом, возведением в ранг ценностей самого себя и своих интересов, предпочтением односторонней выгоды в ущерб интересам адресата, представлением о коммуникации как о средстве достижения только личных целей;

— на вербально-семантическом уровне: преобладанием стратегии воздействия над стратегией взаимодействия, что находит выражение в использовании языковых средств, маркирующих различные тактики манипулирования.

Характерными чертами манипулятивного воздействия выступают эмоциональность и оценочность в речевом поведении манипулятора. В. И. Шаховский и В. В. Жура, придерживаясь точки зрения, что эмоция является не только результатом определённого вида оценки, но и сама может служить основанием оценки, характеризуют эмотивную интенцию как параметр эмоционального дейксиса, который, по мнению учёных, представляет собой синтез иллюкутивной цели и перлокутивной задачи. Если в интенции эмоционального самовыражения преобладает иллюкутивная цель, то в интенции эмоционального воздействия превалирует перлокутивная задача, «то есть намерение говорящего определить в вербальной форме эмоциональную значимость какого-либо события для указания на это адресату с целью оказания влияния на его поведение» [7, с. 50]. Выявляя различия между убеждением и внушением, О. С. Иссерс отмечает, что «внушая определённую мысль, субъект речевого воздействия апеллирует, прежде всего, к эмоциям объекта речевого воздействия, стремясь тем самым привести его в нужное для целей говорящего психологическое состояние» [2, с. 38]. Выражаемая таким образом манипулятором эмоциональная оценка должна вызвать определённую эмоциональную реакцию со стороны собеседника (эмоциональное заражение). В этих целях манипулятором активно используется эмоционально-экспрессивная лексика, выражающая положительную и / или отрицательную оценку.

В манипулятивных контекстах эмоционально-оценочная лексика употребляется для характеристики субъектов общения (говорящего и слушающего), ситуации общения, различных объектов, часто вступающих предметом обсуждения. Манипулятор прибегает к тактике преувеличения или к тактике преуменьшения, активно используя синонимические номинации с положительной / отрицательной коннотацией. Оценочные номинации используются как средство манипулятивного воздействия на адресата, когда говорящий соотносит их с объектами действительности, подлинная ценность которых не соответствует действительности. С помощью таких оценочных номинаций завышается или занижается настоящая ценность объектов, тем самым манипулятор «подсказывает», в какой системе находится данный предмет, что с ним нужно делать, как его воспринимать» [3, с. 86]. Проиллюстрируем на примере речевого поведения персонажа-манипулятора Баяна, героя пьесы Маяковского «Клоп». Баян, как известно, имеет самый непосредственный интерес в устройстве свадьбы Присыпкина, будущего зятя Розалии Павловны. Если он угодит Присыпкину, то получит моральное и денежное вознаграждение. Он хитёр, угодлив, старается скрытно воздействовать на собеседника, прибегая к разнообразным тактикам манипулирования. Большую роль в реализации этих тактик играет оценочная лексика:

Розалия Павловна

Какие же это чепчики, это же...

Присыпкин

Что ж я без глаз, что ли? А ежели у нас двойня родится? Это вот на Дороти, а это на Лилиан... Я их уже решил назвать аристократическо-кинематографически... так и будут гулять вместе. Во! Дом у меня должен быть полной чашей. Захватите, Розалия Павловна!

Баян (подхихкивая)

Захватите, захватите, Розалия Павловна! Разве у них пошлость в голове? Оне молодой класс, оне всё по-своему понимают. Оне к вам древнее, незапятнанное пролетарское происхождение и профсоюзный билет в дом вносят, а вы рубли жалуете! Дом у них должен быть полной чашей.

Розалия Павловна, вздохнув, покупает [5, с. 177].

Баян маскирует элементарное невежество и отсутствие культуры Присыпкина под новаторство молодого пролетарского класса, намеренно употребляя словосочетание «пролетарское происхождение»

(что было важно и значимо в той ситуации, которая изображается В. В. Маяковским) и снабжая его оценкой «незапятнанный». Манипуляцию усиливает антитеза, лежащая в основе тактики дискредитации: противопоставление высокого предназначения пролетария Присыпкина низменному свойству мещанки-скряги Розалии Павловны. Перлокутивный эффект такого воздействия очевиден. Баян добивается своей перлокутивной задачи: Розалия Павловна покупает чепчики.

Поскольку оценка (эмоционально-оценочная лексика) выражает субъективное отношение говорящего к объекту действительности, она может быть адекватной и неадекватной. Намеренный выбор манипулятором более положительного или отрицательного в оценочном отношении имени способствует завышению / занижению оценки объекта при его неизменной ценности. Как правило, в арсенале языковой личности манипулятора наблюдается большой запас оценочной лексики, которая используется с целью вызвать в объекте манипулирования нужные эмоции. Так, Баян активно пользуются оценочными номинациями с положительной окраской для характеристики своего собеседника или третьего лица, выполнение действия в интересах которого является результатом манипулирования. Так, желая скрыто повлиять на Розалию Павловну, возмущившуюся было готовностью Присыпкина потратить большие деньги на покупку игрушек для будущих детей, Баян прибегает к оценочным фразеологизмам, рисуя жизнь в перспективе семейства Присыпкина как более чем обеспеченную:

Баян

У него дом должен быть полной чашей. И танцы и пиво у него должны бить фонтаном, как из рога изобилия.

Розалия Павловна покупает [5, с. 118].

Анализ научной литературы по вопросам речевого манипулирования позволил выявить роль заимствованной лексики в создании манипулятивных контекстов [3]. Намеренное употребление лексики, не знакомой адресату, создаёт возможность для скрытого воздействия на его сознание в двух направлениях: 1) подчёркивание превосходства адресанта, что создаёт неравноправные коммуникативные отношения; адресант заведомо отводит адресату подчинительную роль; 2) устранение механизма привлечения собственного критического опыта, так как незнание значения слов не даёт возможности адресату осуществить операцию сличения номинации с реальностью.

Персонаж пьесы «Клоп» Баян во время разговора со своим собеседником специально употребляет ряд слов, непонятных Присыпкину, тем самым указывая на своё образование и, следовательно, превосходство над Присыпкиным. Это позволяет Баяну расположить к себе Присыпкина, заставить его исполнять его советы и пожелания:

Баян

Когда ваш свадебный кортэж...

Присыпкин

Что вы болтаете? Какой картёж?

Баян

Кортэж, я говорю. Так, товарищ Скрипкин, называется на красивых иностранных языках всякая, и особенно такая, свадебная торжественная поездка.

Присыпкин

А! Ну-ну-ну!

Баян

Так вот, когда кортэж подъедет, я вам спую эпиталаму Гименея.

Присыпкин

Чего ты болтаешь? Какие ещё такие Гималаи?

Баян

Не Гималаи, а эпиталаму о боге Гименее. Это такой бог любви был у греков, да не у этих жёлтых, озверевших соглашателей Венизелосов, а у древних, республиканских [5, с. 120].

В этом же эпизоде можно наблюдать действие ещё одного лексико-семантического средства, лежащего в основе тактики подмены понятия как манипуляторского речевого приёма. Подмена понятия основана на явлении полисемии, актуализации в одном контексте сразу нескольких значений многозначного слова. Обратим внимание на употреблении слова *красный* в следующем фрагменте:

Присыпкин

Товарищ Баян, я за свои деньги требую, чтобы была красная свадьба и никаких богов! Понял?

Баян

Да что вы, товарищ Скрипкин, не то что понял, а силой, согласно Плеханову, дозволенного марксистам воображения я как бы сквозь призму вижу ваше классовое, возвышенное, изящное и упоительное торжество!.. Невеста вылезает из кареты — красная невеста... вся красная, — упарилась, значит; ее выводит красный посаженный отец, бухгалтер Ерыкалов, — он как раз мужчина тучный, красный, апоплексический, — вводят это вас красные шафера, весь стол в красной ветчине и бутылки с красными головками.

Присыпкин (сочувственно)

Во! Во!

Баян

Красные гости кричат «горько, горько», и тут красная (уже супруга) протягивает вам красные-красные губки... [5, с. 121].

Обыгрывание полисемии слова в качестве манипулятивной тактики подмены понятия было известно ещё со времён софистов, не случайно и в настоящее время приём относится к софизмам — «словесной ловушке», которую использовали искусные манипуляторы древности, чтобы сбить с толку собеседника. Присыпкин использует слово *красный* в символическом значении, зафиксированном в словаре как «относящийся к революционной деятельности» [6, с. 245]. Баян же в своей речи использует слово *красный* в значении — «цвет крови» [6, с. 245]. Такая тактика — основа для создания приёма комического, характерного для драматургии В. В. Маяковского.

Многими лингвистами отмечается воздействующий потенциал стилистических тропов и фигур. Особую роль в создании манипулятивных тактик преувеличения и преуменьшения играют гипербола и мейозис.

В манипулятивных контекстах гипербола и мейозис непосредственно апеллируют к воображению адресата речи; они представляют собой прямое, незауалированное выражение эмоций. За ними может быть скрыто намерение обмануть собеседника. В манипулятивных высказываниях гипербола используется для выражения похвалы, лести, комплиментов. Сущность мейозиса состоит в преуменьшении истинных свойств объекта речи. Приём преуменьшения употребляется носителями языка в определённых ситуациях общения, обусловленных социальными, психологическими и прагматическими факторами. На наш взгляд, высказывания, характеризующиеся намеренным использованием тактик преувеличения или преуменьшения, употребляются говорящим с целью скрыть своё истинное отношение к сообщаемому, дать завышенную или заниженную оценку объективно существующей ситуации, ослабить реакцию адресата. Примером использования гиперболы и мейозиса в манипулятивных целях является диалог между продавцом сельдйки и Розалией Павловной в пьесе «Клоп». Цель одного из них — продать товар как можно дороже, цель другого — купить как можно дешевле. Вследствие чего один прибегает к тактике преувеличения, другой — к тактике преуменьшения. Главную роль в реализации тактик манипулирования играют указанные выше тропы, выполняющие номинативно-оценочную функцию:

Розалия Павловна (отстраняя всех, громко и повеселевши)

Сельдка — это да! Это вы будете иметь для свадьбы вещь. Это я да захвачу! Пройдите, мосье мужчины! Сколько стоит эта килька?

Разносчик

Эта лососина стоит 2.60 кило.

Розалия Павловна

2.60 за этого шпрота-переростка?

Продавец

Что вы, мадам, всего 2.60 за этого кандидата в осетрины!

Розалия Павловна

2.60 за эти марированные корсетные кости? <...> [5, с. 119].

Манипулятивный характер такой номинации легко обнаружить, опираясь на здравый смысл и собственный критический опыт, соотнося наименования с реальностью. Результат такой операции наглядно изображён в следующем эпизоде:

Розалия Павловна

Киты! Дельфины! (Торговцу сельдями.). А ну, покажи, а ну, сравни свою улитку! (Сравнивает: сельдь лотошника больше; всплёскивает руками.) На хвост больше?! За что боролись, а, гражданин Скрипкин? За что мы убили государя императора и прогнали господина Рябушинского, а?... [5, с. 122].

Манипулятор рассчитывает на то, что заразит своими эмоциями объект манипулирования и тем самым добьётся желаемого. Контраст оценок создаёт идеальные условия для проведения манипулятивного воздействия:

Баян

Я понимаю вас, товарищ Скрипкин: трудно, невозможно, при вашей нежной душе, в нашем грубом обществе [5, с. 128].

Предполагаем, что существенную роль в манипулятивных контекстах играет повтор лексических единиц в высказываниях манипулятора, поскольку функция повтора заключается в усилении: к понятию, выражаемому повторяемой лексемой, привлекается особое внимание объекта манипулирования. Материал показывает, что в качестве повторяющихся элементов в высказываниях манипулятора обычно выступают те лексические единицы, которые несут определённую эмоционально-воздействующую нагрузку суггестивного характера. Обычно манипулятором повторяются те слова и выражения, которые необходимо внушить объекту манипуляций, чтобы добиться намеченного результата. Такой лексической единицей, например, в речи Баяна, направленной на манипуляцию Присыпкиным и Розалией Павловной, выступает фразеологизм *полная чаша*, символизирующий новую богатую жизнь молодого пролетарца и потому снимающий барьер бережливости и экономии, который так мешал бы Баяну добиваться своей корыстной цели. Примеры употребления фразеологизма демонстрируют приведённые выше фрагменты высказываний Баяна. Подобные повторы в речи манипулятора, как правило, бывают намеренными и являются ярким примером экспрессивности манипулятивного воздействия.

Таким образом, лексико-семантические средства играют существенную роль в используемых языковой личностью манипулятора тактиках манипулятивного воздействия в драматургии Маяковского.

Литература

1. Доценко Е. Л. Манипуляция: психологическое определение понятия / Е. Л. Доценко // Психологический журнал. — 1993. — № 4. — С. 132–138.
2. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: монография / О. С. Иссерс. — Омск: Омск. гос. ун-т, 1999. — 258 с.
3. Иссерс О. С. Речевое воздействие: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью» / О. С. Иссерс. — М.: Флинта: Наука, 2009. — 224 с.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — 2-е изд., стереотип. — М.: УРСС, 2002. — 264 с.
5. Маяковский В. В. «Мистерия-буфф», «Клоп», «Баня»: пьесы / В. В. Маяковский; переизд. вступ. ст., прим. и послесл. А. Февральского. — М., 1976. — 256 с.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. — 23-е изд., испр. — М.: Рус. яз., 1990. — 917 с.
7. Шаховский В. И. Дейксис в сфере эмоциональной речевой деятельности / В. И. Шаховский, В. В. Жура // Вопр. языкознания. — 2002. — № 5. — С. 38–56.
8. Постром Э. Человек-манипулятор. Внутреннее путешествие от манипуляции к актуализации [Электронный ресурс] / Э. Постром; пер. В. Данченко. — Режим доступа: <http://psylib.ukrweb.net/books/shost01/txt02.htm> Дата обращения 8.07.2013 г.

References

1. Dotsenko Ye. L. Manipulyatsiya: psikhologicheskoe opredelenie ponyatiya / Ye. L. Dotsenko // Psikhologicheskij zhurnal. — 1993. — № 4. — S. 132–138.
2. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi: monografiya / O. S. Issers. — Omsk: Omsk. gos. un-t, 1999. — 258 s.
3. Issers O. S. Rechevoe vozdeystvie: ucheb. posobie dlya studentov, obuchayushchikhsya po spetsialnosti «Svyazi s obshchestvennostyu» / O. S. Issers. — M.: Flinta: Nauka, 2009. — 224 s.
4. Karaulov Yu. N. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost / Yu. N. Karaulov. — Izd. 2-e, stereotipnoe. — M.: URSS, 2002. — 264 s.
5. Mayakovskiy V. V. «Misteriya-buff», «Klop», «Banya»: pesy / V. V. Mayakovskiy; pereizd. vstup. st., primechaniya i poslesl. A. Fevral'skogo. — M., 1976. — 256 s.
6. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka: 70 000 slov / S. I. Ozhegov; pod red. N. Yu. Shvedovoy. — 23-e izd., ispr. — M.: Russkiy yazyk, 1990. — 917 s.
7. Shakhovskiy V. I. Deyksis v sfere emotsionalnoy rechevoy deyatel'nosti / V. I. Shakhovskiy, V. V. Zhura // Vopr. yazykoznaneya. — 2002. — № 5. — S. 38–56.
8. Shostrom E. Chelovek-manipulyator. Vnutrennee puteshestvie ot manipulyatsii k aktualizatsii [Elektronnyy resurs] / E. Shostrom; perevod V. Danchenko. — URL: <http://psylib.ukrweb.net/books/shost01/txt02.htm> Data obrashcheniya 8.07.2013 g.

Філіппова Ольга Вікторівна,

доктор педагогічних наук, професор, зав. кафедри стилістики, риторики та культури мовлення Мордовського державного університету імені М. П. Огарьова; Саранськ, Росія;
e-mail: filippovaov@mail.ru; тел.: +7(8342) 76-55-28; моб.: +7-905-009-22-11

Кустов Володимир Володимирович,

студент філологічного факультету Мордовського державного університету імені М. П. Огарьова; Саранськ, Росія;
e-mail: pimp65rip@mail.ru; тел.: +7(8342) 35-75-54; моб.: +7-987-997-98-95

МОВНА ОСОБИСТІТЬ МАНІПУЛЯТОРА ТА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧНІ ЗАСОБИ В ТАКТИКАХ МАНІПУЛЮВАННЯ (НА ПРИКЛАДІ МОВЛЕННЄВОЇ ПОВЕДІНКИ ПЕРСОНАЖІВ П'ЄС В. В. МАЯКОВСЬКОГО)

Анотація. Статтю присвячено дослідженню особливостей мовної особистості маніпулятора. У ній розкрито роль лексико-семантичних засобів організації тактик маніпулювання в художньому творі. Досліджуючи мовлення персонажів-маніпуляторів у п'єсах В. В. Маяковського, автори виокремили такі тактики маніпулювання, як тактика підміни понять, тактика перебільшення й тактика замирення. Названі тактики маркуються участю в них оцінної лексики, гіперболи та мейозису. Основна функція лексико-семантичних засобів у маніпулятивних контекстах — номінативно-оцінна. Емоційність і оцінність мовлення маніпулятора є наслідком емоційного впливу. Такі засоби надають можливість маніпулятору нав'язувати співрозмовникові те чи інше емоційне бачення ситуації, провокуючи його тим самим на вигідні для маніпулятора дії.

Ключові слова: мовна особистість, тактика маніпулювання, оцінна номінація, художнє мовлення, драматургія, В. В. Маяковський.

Olga V. Filippova,

Doctor of Education, Prof., Chief at the Chair of Stylistics, Rhetoric and Speech Culture, Ogarev Mordovia State University; Saransk, Russia; e-mail: filippovaov@mail.ru; тел.: +7(8342) 76-55-28; моб.: +7-905-009-22-11

Vladimir V. Kustov,

student of Philological Department of Ogarev Mordovia State University; Saransk, Russia;
e-mail: pimp65rip@mail.ru; тел.: +7(8342) 35-75-54; моб.: +7-987-997-98-95

MANIPULATOR'S LANGUAGE PERSONALITY AND LEXICAL-AND-SEMANTIC MEANS IN MANIPULATION TACTICS (ON THE EXAMPLE OF CHARACTERS' SPEECH BEHAVIOUR IN THE PLAYS BY V. V. MAYAKOVSKY)

Summary. The article deals with some distinctive features of the manipulator's language personality and the role of lexical-and-semantic means in following manipulation tactics. While analysing the speech behavior of manipulating characters in V.V. Mayakovskiy's plays, the authors single out such manipulation tactics as changing notions, exaggeration and understatement tactics. Those are marked by evaluating lexis, hyperbole and meiosis use. The main function of lexical-and-semantic means in manipulative contexts is that of nomination and evaluation. The manipulator's speech emotivity and evaluation account for its emotive impact. These features are used by the manipulator to impose a certain emotional image of the situation on the interlocutor and, thus, to provoke him to manipulator-beneficial actions.

Key words: language personality, manipulation tactics, evaluating nomination, art speech, dramaturgy, Mayakovskiy.

Статтю отримано 20.11.2013 р.